

А. П. Никитин

МЕНТАЛИТЕТ РОССИЯН И КОНСЕРВАТИЗМ

В статье описывается специфика применения понятий «менталитет» и «консерватизм» в социально-гуманитарных науках. Основное внимание уделяется социокультурному подходу. Автором рассматриваются варианты выявления консервативных установок в менталитете россиян.

Ключевые слова: *менталитет, консерватизм, консервативное мышление, холизм, конкретность, интуиция.*

В условиях, когда ориентиры модернизационного процесса в России требуют все большего учета социокультурных факторов, важным становится обращение к изучению духовной жизни российского общества. Понятия «менталитет» и «консерватизм» являются, пожалуй, одними из важнейших атрибутов в характеристике этого явления. Современные модернизаторы не могут игнорировать их значение в процессе движения к новейшим социальным формам. Эти формы не являются культурно нейтральными, а потому не выступают как безразличные к менталитету структуры. Однако, любое движение, которое презентуют как прогресс, немислимо без сохранения того ценного, что дано в прошлом. Еще Н. А. Бердяев отмечал, что «невозможно нормальное и здоровое существование и развитие общества без консервативных сил», при этом о консерватизме следует говорить «не как о политическом направлении и политической партии, а как об одном из вечных религиозных и онтологических начал человеческого общества» [1, с. 565].

Прежде всего сконцентрируем внимание на двух вопросах: что такое менталитет, каковы его истоки и сущность; что такое консерватизм и как он соотносится с менталитетом россиян?

Представления о менталитете можно разбить на три группы, внутренние содержания которых на самом деле зачастую пересекаются и даже могут выступать как тождества. Под менталитетом можно понимать:

А. Априорную систему ценностей, характеризующую социальную общность на уровне идеологии. Это некое ядро культуры данной общности, основу которой составляет сложившаяся иерархическая система ценностей, характер и взаимное расположение элементов которой определяются конкретными историческими обстоятельствами и потребностями носителей культуры. Эта система концентрированно выражена в идеологии, вбирающей в себя представления о должном состоянии бытия общности. Менталитет в этом смысле непостоянен, так как его аксиологический базис трансформируется под влиянием исторического фактора. Но, несмотря на признание этой непостоянности, он парадоксальным образом превращает-

ся в самостоятельную силу с того времени, которое обычно берется произвольно. Именно с этой парадоксальностью произносятся утверждения: «Ценности либерализма заложены в менталитете европейцев», «в менталитете россиян всегда присутствовала тяга к сильной государственной власти» и т. д.

Б. Особый национальный характер или особый национальный логос. Это специфическая норма психического либо гносеологического свойства, имманентно присущая отдельному народу, – то, что в давней мистико-философской традиции обозначалось как «дух народа». Этот дух в концепциях различной направленности выступает зачастую как феномен генной наследственности: если человек родился русским, то представителями какой бы национальности он ни воспитывался, все равно будет подвержен его влиянию. Национальный характер обычно анализируется через архетипы коллективного бессознательного, национальный логос – через язык. Пример: анализ языков, проведенный Г. Д. Гачевым, который привел его к утверждению о существовании национальных логик – проявлений национальных космопсихологов [2].

В. Коллективные стереотипы мышления и поведения, выработанные у социальной общности в результате социокультурного взаимодействия. Этот результат формируется под влиянием трех факторов, представляющих, по П. А. Сорокину, нерасторжимое единство. В своей работе «Структурная социология» он обозначил данное триединство формулой «Личность, общество, культура»: «1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [3, с. 218]. Указанные три аспекта могут существовать самостоятельно лишь как единицы научного анализа, в действительности же неразделимы с учетом того, что особое значение приобретает культурная составляющая. П. А. Сорокин выступал против тех теорий, которые связывали понятие «социальное» с взаимодействием индивидов

и отрицали роль культурных или надорганических ценностей. Такое взаимодействие определялось им как биофизическое, а не социальное явление. Для того чтобы взаимодействие стало социальным, оно должно быть значимым, т. е. иметь значение, ценность или норму, «возвышающиеся над чисто физическими и биологическими свойствами соответствующих действий» [3, с. 192]. Культурный элемент и составляет это значение, обуславливает характер существования и личности, и общества, тем самым формируя сферу социальности.

В этом отношении менталитет может проявляться в любой социальной общности, скрепляя ее на феноменологическом уровне. Этот уровень – некая социально-психическая среда, которая разрастается с каждым новым поколением членов общности. Первоначальный слой социально-психической среды формируется в момент становления общности, т. е. в момент ее самоосознания и самоидентификации. Последующее наслоение – результат деятельности тех, кто становится наследником данной самоидентификации.

Не зря поэтому всю специфику российского менталитета ищут в истории российского государства. Период его образования и есть период формирования менталитета той общности, которую можно назвать «граждане России». Эта общность втянула в себя представителей множества народов и конфессий, но все же сумела организовать единое перцептуальное поле самого себя. Благодаря этому и стало возможным рассуждение именно о российском менталитете, а не только о русском.

В каком смысле можно говорить о консерватизме в менталитете, и в частности в менталитете россиян? Для ответа, видимо, необходимо первоначально выяснить, что такое консерватизм вообще. Разногласий в оценке этого термина на самом деле не меньше, чем в понимании менталитета. Следует отметить, что существует и такая точка зрения, согласно которой его использование давно носит спекулятивный характер. Связана она с утверждением об исторической «смерти» консерватизма. «Историки» (это не обязательно профессиональные историки) считают, что употребление термина «консерватизм» по отношению к современности вообще неуместно, так как те социальные институты, которые защищались консерваторами, окончательно прекратили свое существование. Согласно данному подходу, консерватизм – это идеология дворянства и духовенства, которые в эпоху Нового времени никак не могли смириться с потерями своих привилегий, произошедшими в результате буржуазных революций. Вернуть эти привилегии и, шире, сословный порядок так и не удалось, с течением времени вопрос отпал сам собой, закончился и консерватизм.

Меж тем о консерватизме применительно к современности мы говорим. На языке социально-гуманитарных наук мы говорим о нем обычно в следующих аспектах:

1. В аспекте политологическом, когда подразумеваем под консерватизмом политическую идеологию с характерным для нее аксиологическим базисом (именно в этом аспекте мы можем рассуждать о знаменитом лозунге российских консерваторов «Православие. Самодержавие. Народность» или же о консервативной политике партии «Единая Россия»).

2. В социально-психологическом аспекте, опирающемся фактически на обыденное понимание консерватизма, где он выступает как консервативность характера, т. е. нежелание каких-либо перемен в любых сферах человеческой жизнедеятельности. По мнению британского исследователя Ф. Хирншоу, проявления психологического комплекса, близкого консервативному мировоззрению, можно найти на протяжении всей истории человечества, и в психологическом смысле Адам был первым консерватором [4].

3. В социально-философском аспекте, в котором консерватизм – особый тип мышления, опирающийся на идею конкретности, ориентированный на факторы, имманентные бытию (в этом смысле он противостоит инсеквизму, исходящему из возможности и даже необходимости применения абстрактных рациональных установок в преобразовании общественной и природной сфер). Консервативное мышление конкретно в своем отношении к миру как к органическому целому. Субъект такого мышления ощущает естественную связь со всем, что его окружает, и при этом не задается вопросом, кто кого должен преобразовывать: природа и общество его или он природу и общество. Он с ними в одном целом, а это целое самодостаточно и не нуждается в рефлексии со стороны части. Это холистское восприятие мира, где каждому и каждой уготовано свое место.

При этом, выступая против любого идеализированного знания о мире, которое можно применить в прикладной деятельности людей, консервативная мысль отрицает саму себя. Консерваторы рассматривают знание как комплекс суждений, основанных на опыте, а не на абстрактной теории. Такой подход отбрасывает необходимость и возможность строгого дедуктивного обоснования убеждений, из которых состоит знание. Но само знание того, что абстрактные теории «вредны» для человека, само по себе является абстрактной теорией. Консерватор настаивает на том, что если человек познает мир на картезианских основаниях и в соответствии с этим знанием выстраивает свою деятельность, то он разрушает целостность этого мира. Поэтому нужно просто быть с этим миром. Консерватор об

этом знает и, видимо, тоже выстраивает свою деятельность в соответствии с этим знанием. Как заметно, круг замкнулся, и, по всей вероятности, разрушения целостности мира не остановить.

Выясняется, что в чистом виде консервативное мышление может существовать лишь как феномен сферы нерелефлексивного, что не исключает наличия соответствующих по содержанию теоретических концепций со всеми присущими им противоречиями. Консерватизм – форма обращения в прошлое, которая не осознает своей онтологической сущности, однако явно демонстрирует ее окружающим. Это некое интуитивное созерцание в мировосприятии, следование за динамикой движения жизни, где жизнь приобретает самостоятельный и довлеющий над индивидом статус.

Анализируя понятия «менталитет» и «консерватизм», мы обнаруживаем определенную тождественность в основаниях для выделения подходов. Действительно, в них фигурируют такие взаимодополняющие первичности, как ценности (пункты А и 1), социальный характер (пункты Б и 2), стереотипы мышления (пункты В и 3). Тем самым выявляются три вектора в анализе консервативных установок в менталитете.

Вектор первый: анализ в менталитете тех ценностей, которые соответствуют ценностям консервативной идеологии (в этом случае можно рассуждать, например, о том, отвечал ли лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» ценностным установкам россиян).

Вектор второй: рассмотрение в менталитете тех фобий, которые отражают сущность консервативной психики. Это страх перед любыми нововведениями, которые на подсознательном уровне воспринимаются как покушение на бытие народного духа. Фактически речь идет об ориентации на традиционализм в самом широком смысле этого слова – как исключительной направленности на реализацию традиции, поддержание ее авторитета и подчинение этому авторитету.

Вектор третий: разбор стереотипов мышления определенной социальной общности и выявление в этих стереотипах идей холистского, конкретного и интуитивного восприятия мира. Такой разбор возможен благодаря наличию в менталитете того самого первичного феноменологического слоя, о котором уже говорилось выше. Если данный слой сформировался в период самопредставления себе, то исходную точку консерватизма следует искать в этом же моменте.

Не исключая возможности применения первых двух курсов научного исследования, третий вектор вызывает у нас наибольшее «интеллектуальное удобство» по следующим причинам. Во-первых, утверждение, что существует некая априорная сис-

тема ценностей, которая функционирует в рамках определенной общности в качестве идеологии, вызывает ощущение, что речь идет о политических и иных мифах, используемых неизвестно кем и для каких целей. Не упускаем при этом возможности, что на самом деле существование этих мифов никому не нужно, а действуют они просто потому, что не могут не действовать: так повелось на Руси. Во-вторых, если анализ консервативных тенденций в менталитете россиян превращается в анализ того, что является по своей сути традиционализмом, то не сталкиваемся ли мы с семантической подменой, причем довольно грубой, так как «охранение» (этимологическое значение слова «консерватизм») ведь не означает «передача» (этимологическое значение понятия «традиционализм»).

Третий вектор вдобавок ко всему имеет и то преимущество, что легко объясняет те тенденции, которые обнаруживаются в первом и втором случае. Обратимся, в частности, к перечислению консервативных ценностей, которые даны В. А. Гусевым. Он очерчивает содержание аксиологического базиса консервативной идеологии следующим перечислением: «религиозные и духовные цели политической деятельности; культ нравственности, авторитет школы, семьи и церкви; культ традиций, национальной культуры, патриотизм; приоритет интересов государства перед интересами индивида; сильное иерархичное государство; конкретно-историческая обусловленность уровня прав и свобод; прагматизм, здравый смысл, постепенность и осторожность перемен» [5, с. 130]. Нахождение этих ценностей как доминант социокультурной действительности в эпоху становления российского самосознания (здесь мы сталкиваемся с сугубо исторической интерпретацией) может навести на мысль, что именно их совокупность и стала отправной точкой в развертывании консервативной мысли в России. По аналогии обратим внимание на факт, что начало либерализма в Европе, которое следует вести, по М. Веберу, с формирования протестантской этики, совпало с началом строительства государственных объединений: в результате отправной точкой консервативного мышления здесь стала совсем другая система ценностей.

Объяснение традиционализма опирается на другие посылки. Как пишет М. Н. Чистанов, «общество традиционного типа – система, стремящаяся лишь к собственному поддержанию на определенном уровне. В основании данного словоупотребления лежит понятие традиции как воспроизведения некоторого образца, схемы мышления или действия. Повторение при подобном мироощущении носит космический характер. Только неукоснительное следование идеальному образцу, опыту предшествующих поколений позволяет миру су-

ществовать, делает его пригодным для жизни человека. В таком обществе любое нововведение рассматривается как потенциальная опасность структуре универсума» [6, с. 69]. В противовес традиционному современное общество – это общество инновационного типа, основанное на частной инициативе и императиве перманентного развития. Для него характерен культ обновления, какими бы словами его ни обозначали: прогресс, модернизация и т. п. Консерватизм следует своим мышлением за самой жизнью, но жизнь, ставящая перед собой подобные задачи, не дает такому мышлению шанс воплотиться. Чем быстрее динамика изменений, тем большей разрушительности подвергается основа консерватизма – интуиция, поскольку она не поспевает за этой динамикой. Реакцией психики и становится обращение к тому, что доказало свою эффективность в прошлом, к традиции, но это прошлое уже каким-то образом рефлексировано, поэтому нельзя говорить в данном случае о традиционализме в чистом виде.

Таким образом, третий вектор оказывается более основательным если не с логической точки зрения, то, по крайней мере, с позиции оптимизации исследовательского интереса и возможностей его реализации. Но и он полон трудностей на том уровне, на котором следует оперировать уже непосредственным материалом. В данном случае под таким материалом подразумеваются коллективные стереотипы мышления, имеющиеся (а возможно, и нет) у россиян. В этих стереотипах мы ищем установки, в самом общем виде представленные идеями холизма, конкретности и интуитивного созерцания (в их целостном единстве). Для того чтобы обнаружить их наличие, возможны несколько вариантов.

Один из них, получивший с недавнего времени довольно большое распространение, – контекстуальный анализ классических художественных произведений (прежде всего, литературы). Отметим, что тема органической связи человека с обществом и природой – одна из центральных тем российской классики. Мистическая демонстрация природного и социального окружения человека всякий раз указывала на некую трансцендентную силу, довлеющую над судьбой не только главного героя, но и общества вообще. Вспомним описание дуба в «Войне и мире», описания Петербурга в работах Ф. М. Достоевского, особое акцентирование природного фона в кинопроизведениях А. Тарковского и т. д. Славянофил Ф. Тютчев предложил в своем знаменитом стихотворении считать Россию предметом веры, а не знания и, таким образом, поэтическим манером охарактеризовал мышление россиян как интуитивное, а не интеллектуальное.

Феномен конкретности воплотился в российской художественной литературе в неменьшей сте-

пени. Герои нашей литературы – это не самостоятельные сущности, абстрагированные от своих социальных, экономических (!), политических (!) и иных качеств, а лица, которые предстают перед нами как амальгама личностных свойств и общественного положения. Е. Онегин – это не просто Е. Онегин, а русский дворянин Е. Онегин. Захар, который прислуживает И. И. Обломову, именно слуга Захар: его функция определяет его качества как человека. Вишневы сад из пьесы А. П. Чехова не может быть продан так долго, потому что он и есть помещица Раневская, без него она теряет свою идентичность.

Второй вариант предполагает обращение к истории. Конкретно-исторические исследования все же дело профессиональных историков, но есть то, что, грубо говоря, лежит на поверхности и согласуется во мнениях разных ученых конвенционально. Для российской истории этими конвенциями, помимо всего прочего, выступают:

1. Фактор возможности расширения пространства (реализованной в направлении востока). Отсюда преобладание экстенсивного пути развития в ущерб интенсивному, что естественным образом стало благодатной почвой для созерцательного образа жизни.

2. Фактор влияния православия. Одним из таких влияний, по убеждению авторов, стала склонность к терпению, причем к терпению на грани страдания. Периодически чаша переполнялась, и именно поэтому общественные катаклизмы в России отличались особой масштабностью. Апологет православия К. Н. Леонтьев даже объяснил необходимость смирения перед жизненными обстоятельствами в своей теории «оптимистического пессимизма». «С христианской точки зрения, – писал К. Н. Леонтьев, – можно сказать, что воцарение на земле постоянного мира, благоденствия, согласия, общей обеспеченности и т. д., то есть именно того, чем задался так неудачно демократический прогресс, было бы величайшим бедствием в христианском смысле... С христианством можно мирить философскую идею сложного развития для неизвестных дальнейших целей (может быть, и для всеобщего разрушения), но благоденственный прогресс, ищущий счастья в равенстве и свободе, – совершенно непримирим с основной идеей христианства» [7, с. 293]. Почему? К. Н. Леонтьев отвечает на этот вопрос в виде исторических примеров из жизни христиан, вспоминая, в частности, книгу Блаженного Августина «О граде Божием». Рассказывая о разграблении города готами, Августин находил, что все страдания были полезными для христиан, так как именно в момент мучений в них просыпалась истинная вера в Христа, вера в то, что «рай на земле» невозможен, а ждет их на небесах.

Жизнь на земле, согласно этой теории, нужно отделять от жизни на небесах. Ее остается только созерцать и терпеть.

3. Фактор влияния азиатских кочевых народов с их особым отношением к обществу и природе. Это отношение Н. Трубецкой характеризовал как гармонию между индивидуальным и универсальным, где личность и окружающий ее мир включены в одну общую истину [8]. Личность в этой конструкции не воспринимается в отрыве от мирового целого.

Третий вариант предполагает анализ смысловых структур, задействованных в языке. Такой вариант уже рассматривали выше, говоря о менталитете как о национальном логосе. Действительно, речь ведь идет о русском языке, и логично было бы предположить, что анализ его смыслов даст материал для суждений о русском менталитете. Повторимся, однако, что менталитет авторы рассматривают в социокультурном аспекте; важное место в нем занимает культурное значение, в том числе и значение языка, которым оперирует та или иная общность вне зависимости от национальной принадлежности ее членов. Можно зафиксировать, что сила консервативных элементов в менталитете россиян проявляется в распространенности хорошо известных языковых выражений: «жизнь покажет, кто прав», «буду плыть по течению жизни», «что здесь поделаешь, такова жизнь», «не мы такие, а жизнь такая» и т. д. В приведенных приме-

рах жизненный процесс наделяется признаками первичной абсолютной реальности, однако индивид, решивший «плыть по течению», в своем сознании не соотносит эту реальность с результатами своих действий. Его существование недифференцируемым образом сливается с существованием общества, образуя интегрированное социальное бытие.

Конечно, каждый из вариантов существует самостоятельно лишь как факт пристрастия исследователя. Даже беглая их демонстрация, предпринятая в данной статье, показывает, что судить о консерватизме в менталитете россиян не только можно, но и необходимо. Возможно, что комплексное использование этих вариаций откроет дорогу для более глубокого понимания сути консерватизма и механизмах его проявления. Но при этом хотелось бы остерегаться от одного: от аксиоматических схем, появление которых обуславливалось бы причинами, внешними по отношению к науке, пытающихся доказать наличие консервативных установок у россиян во что бы то ни стало. Консерватизм консерватизму рознь, и в этом отношении то значение, которое он приобретает как духовное явление, не должно сводиться, например, к общественно-политическим феноменам. Сопоставление мышления и общественной жизни многогранно, и если консерватизм находится на стыке этого сопоставления, то и рассматривать его необходимо соответствующим образом.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. М.: АСТ, 2002. 736 с.
2. Гачев Г. Д. Национальный космопсихологос // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 59–78.
3. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
4. Hearnshaw F. Conservatism in England: An analytical, historical and political survey. London: Macmillan&Co. limited, 1933. 322 p.
5. Гусев В. А. Консервативные идеологии // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 129–135.
6. Чистанов М. Н. К истории проблемы мифологического сознания. Мифосознание и традиционализм // Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития: материалы межвуз. науч.-практ. конф. памяти Г. Г. Котожекова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2001. С. 61–69.
7. Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. 544 с.
8. Трубецкой Н. О туранском элементе в русской культуре // Вестн. МГУ. Серия: «Социально-политические исследования». 1990. № 6. С. 60–68.

Никитин А. П., ассистент кафедры философии и социологии, аспирант.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова.

Ул. Ленина, 90, г. Абакан, Республика Хакасия, Россия, 655017.

E-mail: pavlen-abakan@mail.ru

Материал поступил в редакцию 19.04.2010.

A. P. Nikitin

RUSSIAN MENTALITY AND CONSERVATISM

The article is devoted to the use of specific conceptions «mentality» and «conservatism» in social and humanities sciences. The main idea is connected with sociocultural direction. The author describes the versions of discover of conservatives tendencies in Russian mentality.

Key words: *mentality, conservatism, conservative mind, holism, concreteness, intuition.*

N. F. Katanov Khakass State University.

Ul. Lenin, 90, Abakan, Republic of Khakassia, Russia, 655017.

E-mail: pavlen-abakan@mail.ru